

Долин Вячеслав Александрович

КОНЦЕПТ "СМЕРТЬ СУБЪЕКТА" В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье исследуется постмодернистское понятие-метафора "смерть субъекта". Проанализировано три современных варианта решения проблемы: радикальный отказ, диалектический отказ, "возвращение субъекта". На основании критического разбора выводов постмодернистской философии относительно понимания субъекта предложен вариант "диалектического возвращения субъекта", который интегрирует классические представления с представлениями о коэволюции как продуктивной идее постмодернистской философии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 56-61. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

целостной социальной системы, все элементы которой находятся между собой во взаимосвязи и взаимозависимости. Особый акцент делается на причинно-следственных связях, именно поэтому в социально-философских исследованиях особое внимание уделяется причинам появления экстремизма, а также способам борьбы с ним. При этом данное явление исследуется в его постоянной динамике, то есть в движении, изменении и развитии, и именно в этом реализуется принцип историзма, требующий анализа любых социальных явлений в исторически развивающемся социальном контексте.

Список литературы

1. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
2. **Бурдые П.** Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
3. **Бурдые П.** Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. **Гречко П. К.** Философия постмодернизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanities.edu.ru/> (дата обращения: 25.11.2012).
5. **Сальников Е. В.** Экстремисты-смертники и камикадзе: философский дискурс самоубийственных актов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18). Ч. I. С. 165-168.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF EXTREMISM STUDY

Dil' Vyacheslav Anatol'evich

*National Research Tomsk Polytechnic University
proforgfsf@mail.ru*

The author considers methodology selection problem for extremism study in terms of social-philosophical analysis, distinguishes two possible paradigms, within which one can determine the main methodological principles of the social-philosophical analysis of extremism – classical (constructivism) and non-classical (postmodernism), – and asserts that they are complementary and provide an opportunity to develop new methods of extremism counteracting.

Key words and phrases: extremism; constructivism; postmodernism; extremist community; social-philosophical analysis; information extremism.

УДК 111.6:130.31

Философские науки

В статье исследуется постмодернистское понятие-метафора «смерть субъекта». Проанализировано три современных варианта решения проблемы: радикальный отказ, диалектический отказ, «возвращение субъекта». На основании критического разбора выводов постмодернистской философии относительно понимания субъекта предложен вариант «диалектического возвращения субъекта», который интегрирует классические представления с представлениями о коэволюции как продуктивной идее постмодернистской философии.

Ключевые слова и фразы: субъект; постмодернистская философия; «смерть субъекта»; «возвращение субъекта»; «диалектическое возвращение субъекта».

Долин Вячеслав Александрович, к. филос. н.
*Белгородский юридический институт МВД России
v.a.dolin@mail.ru*

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ СУБЪЕКТА» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ[©]

Один из популярных концептов постмодернистской философии – понятие-метафора «смерть субъекта». Согласно ему, человек настолько детерминирован Текстом в форме различных структур (язык, общественные нормы и правила, внутриспихические структуры (Оно и Сверх-Я)), что фактически перестает быть субъектом, растворяясь в структурах. Актуальность исследования проблемы определяется влиянием теоретического понимания субъекта на представления о человеке в целом. Данная проблема актуализировалась в контексте осмысления возможности (и необходимости) трансформации природы человека средствами новейших технологий.

В начале анализа вспомним историю возникновения понятия-метафоры. М. Фуко в книге «Слова и вещи» (1966 г.) пишет: «В наше время – причем Ницше уже давно указал на этот поворотный момент – ...утверждается не столько отсутствие или смерть бога, сколько конец человека...» [14, с. 402]. И доводит высказывание до логического завершения: «Мысль Ницше возвещает не только о смерти бога, но и (как следствие этой смерти и в глубокой связи с ней) о смерти его убийцы» [Там же, с. 403]. Но термина «смерть

субъекта» у М. Фуко нет. Словесное обозначение для новой эпохи без субъекта предложил Р. Барт в небольшой статье «Смерть автора» (1968 г.), посвященной проблеме исчезновения субъекта в литературе [1]. В лекции «Что такое автор?» (1969 г.) М. Фуко приходит к аналогичной идее, обосновывая ее немного иначе [15]. Появление концепта «смерть субъекта» связано с «текстуально-лингвистическим поворотом» постмодернистской философии, когда философия «замкнулась в языке». Представления о «смерти субъекта» резко контрастировали с субъектоцентризмом первой половины XX века (феноменология, экзистенциализм, герменевтика, гуманистический марксизм). Идею «смерти субъекта» во второй половине XX века критиковали экзистенциалист Ж.-П. Сартр и представитель герменевтики П. Рикёр. Хотя доминирование идеи «смерти субъекта» не было тотальным и в самом постмодернизме (Ю. Кристева, поздний М. Фуко).

Попытаемся разобратся в причинах популярности понятия-метафоры «смерть субъекта». Конечно, можно ограничиться стандартной констатацией о разрушении бинарных оппозиций классической философии как о стиле мышления постмодернистской философии. Или вспомнить деконструкцию Ж. Деррида с ее критикой «онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма» [5], методологию, которая стремилась упразднить привилегированный статус одного из членов бинарной оппозиции (в нашем случае это субъект, который значимее объекта). Но вопрос о причинах популярности остается открытым.

На наш взгляд, можно выделить несколько причин подобного поворота мысли. Во-первых, действительная «разорванность» человека в современном обществе. Современный человек – это находящийся в постоянном становлении и фрагментарном состоянии субъект (Ю. Кристева) или даже расщепленный «дивид» (Ж. Лакан). Предпосылок для такого состояния немало: увеличение темпа и разнообразия жизни, интенсификация информационного потока, растущая множественность форм проведения досуга и связанных с ними сообществ, прогрессирующее вхождение виртуальной реальности в современную жизнь (в виде социальных сетей, систем электронных платежей, «электронного правительства», онлайн-игр и т.п.).

Во-вторых, монополия человека на субъектность, теоретически обоснованная Р. Декартом и позднее подтвержденная И. Кантом, задает неверное направление активности и методов ее осуществления. Современный человек часто разрушает больше, чем создает, формируя тем самым «общество риска». Исторически изменчивые формы отчуждения (экономическое, экологическое, различные варианты социального) во многом связаны с издержками активности субъекта конкретной эпохи.

В-третьих, в современной социально-культурной ситуации множатся сценарии и теоретические аргументы в пользу радикальной трансформации природы человека вплоть до оцифровки сознания и переноса его на альтернативный носитель, отличный от человеческого тела (см., например: [11; 17]). Подобные сценарии стали возможны в связи с разрушением представлений о человеке как абсолютном в своем значении и ценности Субъекте. Именно по этой причине контраргументы о «греховности вмешательства в творчество Бога» или «противоречии идеям гуманизма» оказываются весьма слабыми перед методологической идеей о «смерти субъекта». Ведь последняя уже стала концептом, определяющим мышление не только интеллектуалов, но и образованных современников.

Перейдем к рассмотрению концепта «смерть субъекта» в философской литературе, в которой можно выделить три варианта осмысления проблемы.

Первый путь – это *радикальный отказ от идеи субъекта*. Например, бессубъектна синергийная антропология С. С. Хоружего: «... в рамках синергийной антропологии синергия, переосмысливаясь и обобщаясь как антропологическое размыкание, выступает ядром антропологии нового типа, неклассической, неэссенциалистской и бессубъектной» [16, с. 28]. Бессубъектно и общество потребления Ж. Бодрийера, в котором «никого нет». Люди похожи друг на друга настолько, что нуждаются в «персонализации» потребительскими средствами. «“Личность” в качестве абсолютной ценности... какой ее выковала вся западная традиция в организаторском мифе о Субъекте... эта личность отсутствует, она мертва... И именно эта отсутствующая личность, эта утерянная инстанция стремится “персонализироваться”» [3, с. 118-119]. В. П. Зинченко на основе анализа работ классиков отечественной психологии приходит к выводу о непопулярности понятия «субъект» в психологии [6]. Хотя напрямую о «смерти субъекта» автор не говорит.

Глубокий анализ проблемы субъекта дал М. Фуко. По его мнению, человека как отдельного объекта наук... не было до конца XVIII века [14, с. 330]. «Человек... возникает во впадине, оставленной живыми существами, предметами обмена и словами, когда, покинув представление, которое... было их исконным местом, они отступают в глубину вещей, замыкаются на самих себя по законам жизни, производства, языка. Посреди них, замкнутый в образованном ими круге, и намечается – более того, требуется – человек... Однако это гордое слово имеет и другой смысл. В известной мере человек подчинен труду, жизни и языку...» [Там же, с. 334-335]. Из подобной диалектики субъекта и объекта автор делает вывод о возможности смерти человека как о философской проблеме. «Человек... это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек. Если эти диспозиции (*современной эпистемы*) (*прим. мое – В. Д.*) исчезнут так же, как они некогда появились... тогда – можно по-ручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [Там же, с. 404].

Размышления М. Фуко о взаимообусловленности человека и различных практик (Жизнь, Труд, Язык, в терминологии автора) повлияли на второй вариант осмысления проблемы субъекта – *диалектический отказ*.

Данный вариант связан с расширенным пониманием субъекта, когда к человеку прибавляются иные субъекты, относимые к объектам в рамках традиционного понимания. Носителей субъектности становится больше. В противоположность категоричности первого варианта можно говорить о «мягком» отказе. В число концепций, признающих диалектически-мягкий отказ от субъектоцентризма классического типа, входят:

– глубокая семиотика (постчеловеческая персонология) Г. Л. Тульчинского, противопоставляющая гуманизму (как исторически ограниченной форме мышления) идею гуманитарности, базирующуюся на единстве и универсальности духа [12];

– гуманология М. Эпштейна, постулирующая расширение понятия «человеческого», которое переходит на всю совокупность сотворенного человеком, даже за рамками биологического организма и субъекта [18];

– симметричная антропология Б. Латура, в которой люди уравниваются с вещами [8].

Идея «смерти субъекта» в этом варианте осмысления проблемы реализована через ту или иную степень расширения круга носителей субъектности. И в итоге человек как монополюсный субъект классической философии исчезает.

Третий вариант предполагает обоснование «возвращения субъекта». В современной философии он реализуется двумя путями: во-первых, ограниченное (в сравнении с классической философией) понимание субъекта и, во-вторых, выдвижение аргументов против идеи «смерти субъекта».

Рассмотрим варианты ограниченного понимания субъекта в современной философии. А. Н. Фатенков называет две альтернативы, которые предлагает современная философия для «возвращения субъекта»: с одной стороны, «усечение» субъекта до его сущности, а, с другой стороны, «растворение» его в коммуникации и связанной с нею полисубъектности [13, с. 5]. Сам же он предлагает более продуманное (с учетом постмодернистской критики) решение: «...статус субъекта есть онтологический минимум для человеческого существа, притом что узурпация субъектной сущности человеком самоубийственна для него» [Там же, с. 6]. Но минималистическое понимание субъекта в данном понимании все равно сохраняется. Т. Хеллер и Д. Уэлберри тоже рассматривают ограниченного субъекта. И, как у А. Н. Фатенкова, есть повод для ограниченного оптимизма: вопреки постструктуралистскому тезису о власти структур над человеком жизненный мир человека уцелел между «льдинами структур» [19].

В. А. Лекторский с позиций деятельностного подхода выдвинул три контраргумента против идеи «смерти субъекта»: а) возрастающая роль личности в ситуациях риска; б) многослойность «Я», которая – через деятельность «рефлектирующего Я» – помогает восстанавливать утраченную социальную идентичность при дисфункции социального «Я»; в) невозможность цинично-ироничного поведения в критической ситуации [9, с. 235-237].

Косвенная критика утверждения о «смерти субъекта» реализуется и средствами искусства. Например, в киноискусстве с 1990-х годов почетное (в количественном плане) место занимают фильмы-катастрофы и кинокомиксы. Смотри на образцы мужества в фильмах-катастрофах или деяния бесстрашных супергероев в кинокомиксах, трудно поверить в абсолютную победу концепта «смерть субъекта». Даже если рассматривать жанр кинокомикса как тоску по безвозвратно утраченному состоянию или экранизацию классических сюжетов. Ведь искусство быстрее выделяет запросы времени и выражает их в художественных образах. Да и времени с момента формирования идеи «смерти субъекта» в конце 1960-х годов прошло достаточно, чтобы определиться с тем, что более важно: «смерть субъекта» или все-таки его возвращение.

И, наконец, наши размышления о возможном возвращении субъекта должны учитывать внутренние противоречия идеи «смерти субъекта». В этой связи обратим внимание на первое предложение в статье Р. Барта «Смерть автора»: «...если о чем-либо рассказывается ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть... вне какой-либо функции, кроме символической деятельности... – то голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо» (*курсив мой* – В. Д.) [1, с. 384]. Мы видим, что «смерть субъекта» в этом тезисе – особый случай, даже если он и широко распространенный. Да, и не будем забывать, что идею «смерти субъекта» предложили не скрипторы, а подлинники авторы, которые внесли серьезный вклад в философию.

Как видим, современные варианты «возвращения субъекта» тяготеют к двум полюсам: 1) тотальное отрицание аргументов постмодернистской критики (вариант «недиалектического возвращения субъекта»); 2) ограничение субъектности с учетом возражений постмодернистской философии (вариант «фрагментарного возвращения субъекта»). Оба варианта одинаково нехороши. В случае «недиалектического возвращения субъекта» мы забываем исторические уроки экологического кризиса и тоталитаризма и некритически реставрируем субъекта классической философии, а при варианте «неполного возвращения субъекта» есть опасность непродуктивного ограничения свободы деятельности субъекта, сковывания его активности концептуальными ограничениями. Формально можно говорить о противоречии между классическим пониманием и постмодернистской критикой субъекта. Но есть ли оно фактически?

Для ответа на этот вопрос необходимо выделить и осмыслить выводы из постмодернистской критики классического понимания субъекта. Во-первых, тезис постмодернистской философии о «смерти субъекта» можно рассматривать как метафорическое описание нового положения человека в мире, в котором значимы не только люди как классические субъекты, но и другие элементы реальности. Такая характеристика положения человека в мире резко контрастирует с монополюсным положением декартовского субъекта и его исключительностью как единственного обладателя души. В сильном варианте тезиса о «смерти субъекта» человек уравнивается в онтологической ценности с объектами и сохраняет свою монополию как субъект. А в слабом варианте тезиса о «смерти субъекта» субъектностью наделяются и другие объекты (в крайнем варианте – все), а сам человек становится «первым среди равных».

Даже поверхностный анализ развития экологического знания и экологической практики показывает, что дискурс экологии пошел по пути утверждения «смерти субъекта». Четыре из пяти разделов современной экологии (классическая экология, глобальная экология, экология человека и социальная экология) имеют центрального субъекта, а сформировавшаяся в 1980-е годы геоэкология – нет. Вместо центрального субъекта

в геоэкологии изучается триединство территориальных, биологических и антропологических факторов. В данном случае традиционный субъект классической философии не исчезает, а как бы уходит в тень, становится «одним из...», «первым среди равных». Необычная (или даже парадоксальная) для классического мышления идея «прав природы» тоже есть проявление идеи «смерти субъекта». В этой связи В. А. Волковинская замечает, что «смерть субъекта» – это особый методический прием для постижения сложных объектов, где обычная субъектоцентрическая парадигма может оказаться неэффективной [4].

На основании проведенного анализа можно выделить первый вывод постмодернистской критики субъекта классической философии: через отрицание монопольного характера субъекта Р. Декарта идея субъектности наполняется новым содержанием. Субъекта больше нельзя мыслить как абстрактную, внеконтекстуальную реальность по типу абсолютного пространства и времени в физике И. Ньютона. Аналогично неотделимым от тел и процессов аристотелевско-эйнштейновским реляционному пространству и времени постмодернистская критика помогает сформировать образ контекстуального субъекта, неотделимого от его окружения. Контекстуальный субъект возможен в окружении или онтологически равноценных объектов (сильный вариант возвращения субъекта), или даже новых субъектов (слабый вариант возвращения субъекта). При любой из форм понимания декартовский внеконтекстуальный субъект, отделенный и противопоставленный контексту Жизни, Труда и Языка (по М. Фуко), в современной философии невозможен.

Во-вторых, согласно М. Фуко, «...современный человек..., который определяется своим телесным существованием, трудом и речью, – возможен лишь в виде образа конечного человеческого бытия» [14, с. 339]. На наш взгляд, этот тезис затрудняет возвращение и кантовского понимания субъекта, который, в отличие от картезианского субъекта, и вовсе вынесен за пределы эмпирической реальности. Соответственно, и внеконтекстуальный декартовский, и трансцендентальный кантовский субъект оказываются обедненными вариантами описания субъекта. По мнению А. Н. Павленко, радиофундаментализм Р. Декарта слишком упрощает понимание человека [10]. Хотя, справедливости ради, следует помнить об исторической ситуации появления представлений о субъекте Р. Декарта и И. Канта. Оба философа выступили как защитники идеи субъекта перед напором исторически-конкретной формы скептицизма (М. Монтеня и Д. Юма соответственно). В этой ситуации обедненность образа субъекта вполне объяснима. Еще раньше Августин Аврелий защитил субъекта от радикального в своем отрицании античного скептицизма, который утверждал полную невозможность познания действительности. А Сократ спасал субъекта от аксиологического и этического релятивизма софистов.

Итак, второй вывод постмодернистской критики субъекта ясен: спасение субъекта на путях абстрактно-схематической универсализации (Р. Декарт) или трансцендентализации (И. Кант) в наше время невозможно. Из второго урока можно сделать и более широкое обобщение. На наш взгляд, разрушается платонизм в понимании природы человека (и субъекта, связанного с данным пониманием), для которого сущность человека исключительно духовная, а тело не определяет природу человека (и, естественно, не имеет значения и для субъекта).

В-третьих, на основе методологических идей Ж. Делёза Е. В. Биричева формирует новый концепт субъекта, ключевой идеей которого становится приспособление: «Субъект – это собирание граней Я и исследование дискурсов. Это приспособление, активное в своём “при-“, способное видеть под разными углами зрения, контролирующее в событии тот или иной способ бытия и способствующее схождению расходящихся серий» (выделения авт. – Е. Б.) [2, с. 43]. Новое положение человека в мире формирует особое познавательное отношение к миру: вслушивающееся в бытие поэтическое мышление М. Хайдеггера, которое, по мнению В. А. Волковинской, тождественно взглядам М. Фуко на проблему «смерти субъекта»: «смерть субъекта» – это хайдеггеровская отрешенность мышления от самого себя, отказ от контроля над дискурсом, выводящие познание и самопознание на новый уровень. В итоге, «...когда “я” отстраняется от себя в “смерти субъекта”, когда не *человек мыслит*, а *мысль сбывается*, тогда она становится убежищем истины» (курсив авт. – В. В.) [4, с. 126-127]. Обновленный субъект Е. В. Биричевой, подобно субъекту Р. Декарта и И. Канта, углублен в себя, но, в отличие от него, не навязывает бытию свою активность, а вслушивается в него, соизмеряет свою познавательную деятельность с реальностью, а не устраивает природе «экспериментальный допрос с пристрастием».

Приспособление как новый концепт субъекта противоречит гордой и независимой активности субъекта классической философии, сокращает его автономность. Однако противоречие это формальное, поскольку и в классической философии любой продуктивной деятельности субъекта предшествует адаптация. А особо выделяемые автором стремление к приспособлению, активность в «при-» формируют образ не только пассивного приспособленца, но и активного деятеля, возникающего на основе радикального переосмысления направления и механизма деятельности субъекта.

Очевиден и третий вывод постмодернистской критики субъекта классической философии: встраивание человека как субъекта в природный, социальный и культурный контексты, в фукольдские Жизнь, Труд и Язык, коэволюция становится его ведущей деятельностью. Поддерживающее, берегающее отношение к природной, социальной и культурной среде становится новым измерением субъектности.

Указанные выводы из постмодернистской критики идеи субъекта неравноценны по своему значению для философии. Контекстуальный субъект возникает еще в неклассической философии второй половины XIX – начала XX в., поскольку человек погружен в различные виды реальности (Мировая воля А. Шопенгауэра, общественно-историческая практика в марксизме, «жизненный мир» Э. Гуссерля и т.п.). Подобным образом понятий субъект не может быть реализован как Субъект вообще, одинаковый для всех ситуаций и контекстов. Возможен субъект конкретных практик, в которых и сам субъект может пониматься по-разному. Мы полагаем, что эти практики увязаны с тремя компонентами природы человека – биологическим, социальным и культурным (Жизнь, Труд, Язык у М. Фуко). Соответственно, можно говорить о трех видах субъекта:

субъекте биологических, социальных и культурных практик в отдельности. Образ имманентного субъекта формируется в философии еще раньше. В связи с секуляризацией философского мышления в эпоху Просвещения трансцендентальный субъект платоновского типа заменяется имманентным субъектом, тяготеющим к аристотелевской традиции. Иначе говоря, вывод постмодернистской философии о контекстуально-имманентном субъекте неоригинален. По сути, происходит повторение уже давно известных в философии выводов о положении субъекта в мире.

А вот коэволюционный характер активности субъекта можно рассматривать как новый вывод. В этой связи небезынтересен тот факт, что идея коэволюции формируется в 1960-е годы, т.е. одновременно с философией Ж. Делёза. На наш взгляд, идея коэволюционного характера активности современного субъекта обеспечивает если не синтез, то диалог классического и постмодернистского понимания субъекта. При таком понимании человек, с одной стороны, погружен в различные практики и испытывает на себе их влияние (постмодернистский тезис в духе М. Фуко), но, с другой стороны, сохраняет черты классического субъекта: целостность, самодетерминированность (интернализм) и осознанность [7].

В этой связи можно высказать парадоксальное предположение, что субъект на самом деле... не умирал. Классический (декартовско-кантовский) субъект, против которого направлено острие критики постмодернистской философии, переосмыслен уже ранними представителями неклассической философии (К. Маркс, А. Шопенгауэр, Э. Гуссерль). А идея коэволюционно-ориентированного субъекта Ж. Делёза лишь перенаправила его активность в другое, более гармоничное русло. Но нужно отдать должное представителям постмодернистской философии, которые почувствовали эту трансформацию в понимании субъекта, не очень удачно выразив ее суть в понятии-метафоре «смерть субъекта». Теоретико-методологическая неточность понятия-метафоры «смерть субъекта» связана с тем, что в ней абсолютизирован момент изменчивости в ущерб устойчивости.

Возражение постмодернистской философии о предопределенности человека различными практиками, в которые он вовлечен, не носит абсолютного характера. С позиций философии истории Г. Гегеля можно утверждать, что погруженность человека в различные практики и предопределенность ими не носит фатального характера. Она всегда исторически относительна. Исторический прогресс как рост степени человеческой свободы (Г. В. Ф. Гегель) в контексте наших размышлений о субъекте можно рассматривать как неуклонное снижение влияния на человека исторически обусловленных негативных биологических, социальных и культурных практик. В результате эти практики либо гуманизируются, приспособляясь под человека, либо заменяются новыми, которые в большей степени соответствуют гуманистическому идеалу. В этой связи постмодернистские представления о «смерти субъекта» можно рассматривать еще и как метафорически-образную, замаскированную критику отчуждения человека в обществе потребления.

На основе собственных размышлений мы можем сформулировать ответ на поставленный вопрос относительно соотношения классического понимания и постмодернистской критики субъекта: противоречия между ними нет. Постмодернистская философия не разрушила концепт субъекта полностью, как это принято считать, хотя существенно переосмыслила его. Ситуация «умирания субъекта» неоднократно случалась в истории философии в связи с появлением конкретно-исторической формы скептицизма (софисты, античный скептицизм, скептицизм эпохи Возрождения, скептицизм Д. Юма). И, как показывает история философии, концепт субъекта постоянно возрождался, но уже обогащенный отдельными идеями скептицизма.

Предложенное нами понимание проблемы является вариантом «возвращения субъекта». Но возвращения не в онтологическом аспекте (субъект как элемент реальности был все это время), а в гносеологическом (субъект как категория, имеющая значение для философии). А поскольку мы в своем понимании субъекта учитываем постмодернистскую идею коэволюции, то предложенный в статье вариант «возвращения субъекта» можно считать диалектическим возвращением. Ценность полученного вывода не только теоретико-методологическая, но и праксеологическая. Мы полагаем, что предложенное нами представление о «диалектическом возвращении субъекта» позволит обогатить дискурс трансформации природы человека.

Список литературы

1. **Барт Р.** Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384-391.
2. **Биричева Е. В.** Новый концепт субъекта: приспособление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 41-50.
3. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
4. **Волковинская В. А.** «Смерть субъекта» и поэтическое мышление Хайдеггера // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Социология. 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 122-127.
5. **Деррида Ж.** О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
6. **Зинченко В. П.** Блуждание в трех соснах, или Тоска по личности // Человек. 2011. № 4. С. 5-20.
7. **Ильин А. Н.** Субъект в пространстве философии постмодернизма [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/index.php?sphrase_id=61753 (дата обращения: 03.11.2012).
8. **Латур Б.** Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
9. **Лекторский В. А.** Умер ли человек? // Наука. Общество. Человек / отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2004. С. 229-238.
10. **Павленко А. Н.** Радиофундаментализм // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 29-44.

11. Столяров А. М. Розовое и голубое // Постчеловек. От неандертальца до киборга / сост. Т. Ю. Чеснокова. М.: Алгоритм, 2008. С. 8-52.
12. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
13. Фатенков А. Н. Субъект: парадигма возвращения // Человек. 2011. № 5. С. 5-20.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
15. Фуко М. Что такое автор? // Лабиринт-Экспресс. 1991. № 3.
16. Хоружий С. С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 19-36.
17. Чеклецов В. В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к разумным ландшафтам // Философские науки. 2010. № 6. С. 36-54.
18. Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2.
19. Heller Th., Wellbery D. E. Introduction // Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality and the Self in the Western Thought / ed. by Th. Heller et al. Stanford, 1986. P. 10-15.

“DEATH OF SUBJECT” CONCEPT IN CONTEMPORARY PHILOSOPHY

Dolin Vyacheslav Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Belgorod Law Institute of Ministry of Home Affairs of Russia
v.a.dolin@mail.ru

The author researches the postmodernist concept-metaphor “death of subject”, analyzes three modern variants of the problem resolution: radical rejection, dialectical rejection, “return of subject”, and basing on the critical analysis of the postmodernist philosophy conclusions concerning subject understanding suggests a variant of “dialectical return of subject”, which integrates classical conceptions with the conceptions of co-evolution as a productive idea of postmodernist philosophy.

Key words and phrases: subject; postmodernist philosophy; “death of subject”; “return of subject”; “dialectical return of subject”.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

На основе анализа конкретно-исторических фактов автор обосновывает тезис о том, что в условиях российской аграрной цивилизации были заложены основы общественной потребности в интеграции вопросов охраны природы в социально-политическую, экономическую и научную деятельность российского общества и государства. В статье рассматриваются основные объективные и субъективные причины обострения противоречия между человеком и окружающей природной средой, анализируется процесс осознания сущности экологической проблемы. Изменения в экологическом общественном сознании нашли отражение в развитии процесса перехода от стихийного к осознанному регулированию экологических отношений, формировании природоохранных функций государства и общества. В условиях аграрной цивилизации были заложены основы современных подходов к организации охраны природы, регулированию взаимодействия общества и природы.

Ключевые слова и фразы: общество; природа; взаимодействие общества и природы; землепользование; лесопользование; охрана природы; негативные экологические последствия; система управления; экология; экологическая безопасность; экологическая культура; экологическая политика.

Евланов Виктор Васильевич, д.и.н., профессор

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
VVEvlanov@mephi.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ АГРАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ[©]

Проблема регулирования отношений общества с окружающей природной средой, взаимосвязи экологии, экономики и политики имеет глубоко исторический и диалектический характер. Ее изучение позволяет выявить общие закономерности и исторические особенности развития взаимодействия человека и природы, определить перспективы развития природоохранной деятельности.

К одной из ведущих закономерностей развития взаимодействия общества и природы следует отнести диалектическую зависимость между экологической культурой и природоохранной практикой. Основные задачи и ведущие направления, содержание, формы и методы природоохранной деятельности во многом зависят от уровня развития материальной и духовной культуры общества, осознания характера и сущности противоречия между человеком и природой. В связи с этим обращает на себя внимание положение К. Маркса о том, что